

стика лучших, православных в своей сущности, человеческих качеств персонажей. Выражается сказанное через специфику авторской позиции, бытовую деталь, способ построения диалога и внутреннего монолога, символику православных праздников. В целом детскость у Шмелева (особенно с 30-х годов) – один из путей приближения к Первообразу, тому в людях, что проявится в будущем, когда после второго пришествия Христа человек воскреснет.

С.Ю. Николаева

ХРИСТИАНСКИЙ ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Проблема изучения связей древнерусской литературы с русской литературой нового времени существует достаточно давно, и мы не можем не учитывать этих связей, если стремимся познать глубинные закономерности национального литературного процесса. Не говоря уже о Достоевском, Толстом, Лескове, Чехове, Блоке, ни один крупный художник современности, в частности Ф. Абрамов, Д. Балашов, В. Крупин, не прошел мимо такой сокровищницы сюжетов, мотивов, образов, идей, какой является древнерусская литература. И, конечно же, Юрий Поликарпович Кузнецов сполна зачерпнул из этой сокровищницы, зачерпнул не потребительски-подражательно, не из рационалистически-просветительских побуждений, чтобы лишний раз напомнить русскому человеку о его корнях, хотя и это было бы благим делом, – Юрий Кузнецов щедро пополнил тот источник, из которого брал, собственными художественными открытиями, глубокими идеями.

Ю. Кузнецов оказался в этом отношении и традиционен, и оригинален. Традиционен потому, что взялся за те мотивы и образы, которые разрабатывались до него поколениями русских писателей и поэтов и которые принято называть национальной топикой русской истории и культуры. Это те мотивы и образы, которые формируют русскую национальную картину мира. Сам Ю. Кузнецов говорил: «Я осваивал поэтическое пространство в основном в двух направлениях: народно-

го эпоса (частично греческого), русской истории и христианской мифологии»¹. Оригинален поэт в своих трактовках известных сюжетов. Конечно, охарактеризовать все эти сюжеты и их интерпретации у Ю. Кузнецова не представляется возможным. Поэтому ограничимся тем, что хотя бы назовем их, очертим основной круг источников, к которым обращался поэт, и наметим основные тенденции в их осмыслении.

Прежде всего следует назвать «Былину о строке», которая представляет собой вольное переложение духовного стиха «О Голубиной книге». Зачин старинного стиха звучит так:

Восходила туча сильна, грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.

У Кузнецова возникает явная переключка с духовным стихом – возникает в зачине, чтобы дать читателю указание на источник, а затем оттолкнуться от этого источника и выразить свою мысль. При этом синтаксический параллелизм духовного стиха («Восходила туча сильна, грозная, Выпадала книга Голубиная») заменяется более сложной синтаксической структурой – поэт устанавливает причинно-следственные связи между явлениями, обуславливает видение «Голубиной книги» характером эпохи, «грозным» временем: «С голубых небес в пору грозную / Книга выпала голубиная»².

Опубликованная в середине 1980-х гг., «Былина о строке» действительно предвосхитила многие тенденции литературной жизни 1990-2000-х гг. Ю. Кузнецов поставил в ней серьезнейшие, глубинные вопросы, назвав свое историческое и литературное время «грозным». Этот эпитет оправдал себя в последующее двадцатилетие, когда борьба идей и взглядов в литературе достигла апогея, когда словесная игра стала средством имитации «правды-

¹ Кузнецов Ю.П. Воззрение // Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М.: СовА, 2006. С. 25.

² Кузнецов Юрий. Ни рано ни поздно. Стихи и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 6.

истины», когда Россия оказалась, по Достоевскому, «над бездной», «на какой-то окончательной точке»:

Что ни буква — турье дерево,
А на дереве по соловушке,
А за деревом по разбойнику,
За разбойником по молодушке,
На конце концов — перекладина,
Слезы матушки и печаль земли.
Что ни слово взять — темный лес шумит,
Пересвист свистит яви с вымыслом,
Переклик стоит правды с кривдою,
Вечный бой идет бога с дьяволом.

В старинном духовном стихе говорится, что «Голубиную книгу» писал сам Иисус Христос, читал и постигал пророк Исайя, а перелагал поэтическим языком для простых людей и комментировал ее необъятный и непостижимый до конца смысл «премудрый царь Давыд Евсеевич»:

Писал сию книгу сам Иисус Христос,
Иисус Христос, Царь Небесный;
Читал сию книгу сам Исай-пророк...
Умом нам сей книги не сосметити
И очами нам книгу не обозрити:
Великая книга Голубиная!

Лирический герой Ю. Кузнецова, тоже поэт, герой автопсихологический, смиренно отказывается от роли пророка Исайи и славы царя Давида, представляясь нам в образе русского доброго молодца из числа тех, что до поры до времени «за лесом спят», а пробудившись и обнаружив, что истина дремлет и уступает место кривде-лжи, горько плачут: «Я читал строку мимо памяти, / Мимо разума молодецкого. / А когда читал, горько слезы лил, / Горько слезы лил, приговаривал...».

Кузнецовский поэт не верит древним пророкам и поэтам и не нуждается в их толкованиях, его духовный взор обращен к первоистокам, к истине, завещанной Царем Небесным. Читая «Голубиную книгу», он постигает устройство мира, его духовные, Божественные основы, размышляет о судьбах мира. Ему присущ тот «русский максимализм», который, по свидетельству В. Зеньковского, прохо-

дит красной нитью через всю историю духовной жизни в России и является результатом синтеза «природных» особенностей «русской души» и некоторых «основных черт христианства». «Антитеза «все или ничего», не сдержанная житейским благоразумием», боязнь «всякой срединности и умеренности, всякой теплохладности»¹ лежит в основе характера лирического героя Ю. Кузнецова: «А в самой строке только смерть искать. / На конце она обрывается, / Золотой обрыв глубже пропасти – / Головою вниз манит броситься...»

Ю. Кузнецов осмысливает все эти проблемы как предмет поэтической рефлексии проснувшегося от долгого духовного сна русского поэта-богатыря (недаром одним из излюбленных образов Ю. Кузнецова оказывается Илья-Муромец). Творчество этого Ильи-Муромца всеохватно, в нем воплощены, как в «Голубиной книге», судьбы всего мира и судьба отдельного человека: «– Про тебя она и про всячину. / Про тебя она, коли вдоль читать, / Поперек читать – так про всячину». Читать «вдоль и поперек» и продолжать писать «Голубиную книгу» (или, как ее еще называли, «Глубинную книгу», «Книгу-глубину») – таково призвание поэта, таков его крест. Таков вывод Юрия Кузнецова.

«Голубиная книга» повествует о крещении Иисуса Христа, о Его распятии, о Руси как Доме Пречистой Богородицы, о Преображении Господнем, о Богоявлении, она содержит такие устойчивые мотивы и образы, как плакун-трава, алатырь-камень, кит-рыба, Фавор-гора, Иордан-река, Ильмень-озеро и святой Иерусалим, Правда и Кривда, святая Русь-матушка. Особое внимание Кузнецова привлек, видимо, следующий фрагмент о Правде и Кривде:

А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 33-34.

Друг друга поесть хотят.

Ю. Кузнецов передает свое видение Руси, а из устойчивых образов сохраняет и усиливает мотивы борьбы Правды и Кривды: «Пересвист... яви с вымыслом», «Переклик... правды с кривдою», «Вечный бой... бога с дьяволом». При этом основным стилистическим средством становятся парадокс, оксюморон, совмещается несовместимое, сталкиваются противоположности, жизненный материал сопротивляется слову, нарастает драматизм борьбы добра и зла, колеблются основы бытия. Оказывается, мир может существовать «после вечности» – значит, вечность относительна? Между буквами и словами обнаруживается зазор – значит, Слово уже не обладает Божественной силой, не может вдохнуть живую жизнь и гармонию в мир и поэтому «Ветер, ветер на всем Божьем свете»?

И звезда горит ясным пламенем
После вечности мира сущего.
Неширок зазор между буковок —
Может бык пройти и дорогу дать.
А просвет меж слов — это белый свет,
Вечный снег метет со вчерашнего.

В этой вечной борьбе поэт может погибнуть: «На конце концов — пере-
кладина, / Слезы матушки и печаль земли». Так Ю. Кузнецов трансформирует
эпизод о распятом Христе, плачущей Богородице и плакун-траве из «Голуби-
ной книги»:

Почему плакун всем травам матери?
Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь его пролили,
Мать Пречистая Богородица
По Иисусу Христу сильно плакала,
По своему сыну по возлюбленному,
Ронила слезы пречистые
На матушку на сыру землю;
От тех от слез от пречистых
Зарождалась плакун-трава,
Потому плакун-трава травам матери.

В древнерусском духовном стихе основной моральный императив предельно ясен и отчетливо вербализован: «Кто не будет Кривдой жить, / Тот причаянный ко Господу, / Та душа и наследует Себе Царство Небесное».

В.В. Зеньковский считал древнерусские духовные стихи яркой иллюстрацией к «русской религиозности» и «русской космичности»: по его мнению, в них «четко выражено смиренное сознание людской греховности и в то же время светлое ожидание милости Божией», «восприятие мира в лучах пасхальных переживаний»¹. В стихотворении Ю. Кузнецова «спят добры молодцы» и «дремлет истина», а проснувшийся герой «горько слезы льет» в предчувствии своей судьбы, хотя и не отступает от нее. Значит, его душа «не будет Кривдой жить», она тоже «наследует Себе Царство Небесное», потому что способна вынести кризис, преобразиться, обновиться, воскреснуть.

Космогонический, провиденциальный смысл духовного стиха у Кузнецова преобразуется, доминантой становится судьба современного русского поэта, наблюдающего за схваткой Бога с дьяволом и готового участвовать в этой схватке.

Второй тематический и мотивный комплекс в поэзии Ю. Кузнецова, на который хотелось бы обратить внимание, – это микросюжеты, связанные с памятниками Куликовского цикла.

Тема Куликовской битвы неоднократно становилась предметом художественно-философского осмысления в искусстве и литературе, привлекала внимание поэтов, драматургов, писателей широкими возможностями для выражения своих взглядов на русскую историю и судьбы русского народа. В последние два-три десятилетия обострилась полемика по поводу его смысла и значения. Особенно важной, хотя и дискуссионной, стала работа В.В. Кожина, который попытался развенчать господствовавший долгое время миф о Куликовской битве как о противоборстве Руси с Золотой Ордой или – в глобальном смысле – Европы с Азией,

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. С. 31-32.

показал историософский, религиозный смысл этого события¹. Следует напомнить, что русская литература в основном отстаивала именно такое понимание Куликовской битвы и ее связей с современностью. Например, у Блока в цикле «На поле Куликовом», в последней строфе, т.е. в «сильной позиции», суть авторской концепции выявляется с помощью мотива молитвы: «Не может сердце жить покоем, / Недаром тучи собрались. / Доспех тяжел, как перед боем. / Теперь твой час настал. – Молись!»

Параллелизм исторических эпох – эпохи Куликовской битвы и кануна Первой мировой войны и революции в России – воплощается у Блока не в исторических реалиях и подробностях (они, в сущности, ограничиваются топонимикой и антропонимикой: Мамай, Непрядва), а в реалиях духовной жизни далеких друг от друга поколений. Такой реалией, несомненно, оказывается молитва. Собрание сил Руси накануне страшного исторического катаклизма, испытания – это прежде всего процесс молитвенного внутреннего сосредоточения, концентрации духа, процесс постепенного, но неуклонного самоосознания Руси как православного государства, «Святой Руси». Об этом говорит призыв «Молись!» в финале блоковского текста, и призыв этот обращен ко всей России. Блок, очевидно, понял духовный, провиденциальный, историософский смысл описываемого события. Тем самым поэт основал в литературе XX века своеобразную традицию осмысления Куликовской битвы, позднее ярче всего воплотившуюся в жанре житийного повествования, в творчестве писателей, принадлежащих к направлению «духовного реализма», – И. Шмелева, Б. Зайцева, нашего современника В. Крупина, раскрывшего данную тему в книге «Русские святые» (2003). Крупин в описании Куликовской битвы делает идейно-художественной доминантой рассказ о Сергии Радонежском и переносит основной смысловой акцент на духовную сущность самой эпохи Куликовской битвы, ставит «смысловое ударение» на вере как необходимым условием спасения души и спасения Отечества. Сергий в книге Крупина и в

¹ Кожин В.В. «Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение Куликовской битвы // Кожин В.В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 363-422.

«Сказании о Мамаевом побоище» предсказывает победу и призывает к молитве (как и лирический герой А. Блока).

В обозначенном нами контексте произведения Ю. Кузнецова о Куликовом поле воспринимаются как воплощение магистральной линии русского литературного развития. В стихотворении «Поединок», описывающем схватку Пересвета с Челубеем, воспроизводится блоковский призыв к молитве и говорится о Божием Промысле:

Молитесь, родные, по белым церквам.
Все навье проснулось и бьет по глазам.
Он скачет. Молитесь!
Все навье проснулось – и пылью и мглой
Повыело очи. Он скачет слепой!
Но Бог не оставил.
В руке Пересвета прозрело копье:
– Всевидящий глаз озарил острие
И волю направил¹.

В стихотворении «Петрарка» провиденциальный смысл Куликовской битвы прочитан в трактовке, близкой к интерпретации В.В. Кожина: речь идет не о противостоянии Европы и Азии, а о противостоянии России и Европы, Востока и Запада. Кузнецов отталкивается от свидетельства Петрарки о презренных скифских невольниках эпохи «священной грозы Куликова» и проводит параллель с эпохой 1941-1945 гг., когда итальянцы оказались в заснеженных «скифских» полях, «жуя прошлогодние листья»².

Наконец, «Сказание о Сергии Радонежском» содержит необычное толкование и оригинальное сюжетное воплощение жития Сергия. Традиционная агиографическая схема требует, чтобы в контексте житийного целого на первом плане был сам святой, его испытания, страдания и подвиги. Кузнецов же в своем стихотворении производит композиционную перестановку и переносит акцент на судьбу родителей Сергия Кирилла и Марии, причем использует художественный вымысел, на первый взгляд недопустимый в древнерусском произведении (а ведь

¹ Кузнецов Юрий. Ни рано ни поздно. С.10.

² Кузнецов Ю.П. Душа верна неведомым пределам. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1986. С. 12.

поэт сознательно ориентируется на традиции древнерусской литературы, ссылаясь в своем тексте на «седое сказанье», «славянское письмо от небес до земли»). Отец и мать Сергия попадают к татарам в плен и разговаривают с татарским темником, который видел во сне знамение своей скорой смерти. Мотив сна является тем поэтическим средством, которое позволяет Ю. Кузнецову остаться в рамках древнерусской культурной традиции, не нарушая ее, так как многое в старинных русских повестях (и воинских, и исторических, и житийных) мотивируется Провидением, «видениями», «знамениями», «чудесами», возникающими и происходящими в «тонком сне» героя.

В данном случае Кирилл и Мария становятся пленниками татарского темника, но не в реальной, эмпирической действительности, а в духовной реальности сна героя. Сон видит татарский воин, боящийся своей гибели. Сон видит и лирический герой стихотворения, пытающийся осмыслить исторический опыт нации, сон видит и сама Русь, пережившая Куликово поле. Возникает мистическая картина, наполненная образами-символами в духе «Слова о полку Игореве»:

Земли не касаясь, с звездой наравне
Проносится всадник на белом коне,
А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,
И вороны-волки, и клочья, и дым –
Вот вечная слава!¹

Появление фигуры Сергия Радонежского в русской истории, в русской культуре, в пространстве русского духа – событие столь же значимое и знаковое, сколь и непостижимое, а в стихотворении Ю. Кузнецова почти мистическое. Сергей – истинный собиратель Русской земли как духовной сущности, Руси как хранительницы и последовательницы учения о Святой Троице. Сергей был идеологом Куликовского события. Мистический, непостижимый для обыденного рационалистического сознания феномен Сергия и попытался передать в своем произведении Ю. Кузнецов. Вымышленный эпизод с насильственным изъятием младенца

¹ Кузнецов Юрий. Ни рано ни поздно. С. 8.

Сергия из материнского лона – метафорическое объяснение исторической необходимости появления на Руси Сергия Радонежского:

Эй, ляхи-ливонцы!
– Вы скорые слуги. Зовите народ.
Из тяжелой боярыни вырежьте плод.
Доспеет на солнце. (...)
Так Сергий возник дорассветным плодом
Народного духа... Что вышло потом,
То помнит Россия!¹

Татарский полон в стихотворении Ю. Кузнецова – татарское иго, заставившее русский народ осознать себя как национальное и государственное единство. Рождение Сергия Радонежского интерпретируется у Кузнецова как преодоление русским народом своей исторической трагедии, как результат собирания по крупицам народного, национального духа, как итог формирования русской духовности, а значит, и русской нации. Куликовская битва у Кузнецова рассматривается в религиозном, историософском ключе.

Наконец, третий сюжетный пласт, связанный с древнерусским литературным наследием, возникает у Кузнецова в небольшой поэме «Молитва», воссоздающей известный «бродячий» сюжет о чудесном хождении истинных праведников по водам, об истинности их веры и безыскусности их молитвы:

На голом острове растет чертополох.
Когда-то старцы жили там — остался вздох.(...)
Их было трое, видит Бог. Всё видит Бог.
Но не умел из них никто считать до трех.
Молились Богу просто так сквозь дождь и снег:
– Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!²

Данный сюжет в свое время обработал Л. Толстой в рассказе «Три старца», где странствующий архиерей попытался учить старцев, поселившихся на необитаемом острове:

«Как же вы богу молитесь? – спросил архиерей. И древний старец сказал: «Молимся мы так: трое вас, трое нас, помилуй нас».

¹ Кузнецов Юрий. Ни рано ни поздно. С. 9.

² Кузнецов Ю.П. Молитва // Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М.: Сова, 2006. С. 479.

И как только сказал это древний старец, подняли все три старца глаза к небу и все трое сказали: «Трое вас, трое нас, помилуй нас!». Усмехнулся архиерей и сказал:

– Это вы про Святую Троицу слышали, да не так вы молитесь. Полюбил я вас, старцы божии, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, как служить ему. Не так надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не от себя буду учить вас, а из божьего писания научу тому, как Бог повелел всем людям молиться ему.

И начал архиерей толковать старцам, как Бог открыл себя людям: растолковал им про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого и сказал:

– Бог Сын сошел на землю людей спасти и так научил всех молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И стал архиерей говорить: «Отче наш». И повторил один старец: «Отче наш», повторил и другой: «Отче наш», повторил и третий: «Отче наш». – «Иже еси на небесех». Повторили и старцы: «Иже еси на небесех». Да запутался в словах средний старец, не так сказал; не выговорил и высокий, нагой старец: ему усы рот заросли – не мог чисто выговорить; невнятно прошамкал и древний беззубый старец»¹.

Аналогичное поучение совершается и в произведении Ю. Кузнецова:

– Не знаешь ты святых молитв, – сказали так.

– Молюсь, как ведаю, – вздохнул глупой простак.

Они молитву "Отче наш" прочли трикрат.

Старик запомнил наизусть. Старик был рад.

Пучение в рассказе Л. Толстого завершается тем, что старцы, забыв слова молитвы, бегут по воде вслед за кораблем, чтобы вновь услышать их от архиерея, но тот, потрясенный увиденным, признает святость отшельников и советует им молиться по-прежнему, по-своему:

«Перекрестился архиерей, перегнулся к старцам и сказал:

– Доходна до бога и ваша молитва, старцы божии. Не мне вас учить. Молитесь за нас, грешных!

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. М.:ГИХЛ, 1963. Т. 10. С. 371.

И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись и пошли назад по морю. И до утра видно было сиянье с той стороны, куда ушли старцы»¹.

В тексте Ю. Кузнецова возникает аналогичная картина:

Но увидали все, кто был на корабле:
Бежит отшельник по воде, как по земле.
– Остановитесь! – им кричит. – Помилуй Бог,
Молитву вашу я забыл. Совсем стал плох.
– Святой! – вскричали все, кто был на корабле. –
Ходить он может по воде, как по земле.
Его молитва, как звезда, в ту ночь зажглась...
– Молись, как прежде! – был таков их общий глас.

Источник легенды, использованной Л.Н. Толстым, известен: «Легенду о трех старцах Толстой, по-видимому, слышал от В. П. Щеголенка, хотя среди сказаний и легенд, записанных со слов Щеголенка, этой легенды нет. Сюжет сказания принадлежит к числу очень распространенных и широко известен как в устных, так и в письменных источниках. В древнерусских рукописях XVI века находится восходящее к западноевропейской учительной литературе «Сказание о явлениях св. Августина, епископу Ионийскому», по содержанию близкое рассказу Толстого. «Сказание» принадлежит А. М. Курбскому, который слышал его на Руси от многих, в частности от Максима Философа (Грека). Высокий авторитет Максима Грека в среде старообрядцев способствовал сохранению этой «сказки» на Волге. Отсюда – подзаголовок рассказа Толстого «Из народных сказок на Волге»»². Августин Блаженный, как известно, считается основоположником концепции христианского провиденциализма и создателем учения о Граде Божием, который незримо, но реально существует рядом с градом земным. Поэтому Л. Толстой вполне обоснованно обращается не столько к букве, сколько к общему смыслу «Сказания»³.

¹ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 373.

² См.: комментарий Л.Д. Опульской в изд.: Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 10. С. 565.

³ См.: Андреев Н.П. «Три старца» Л. Толстого и родственные легенды (Из заметок по народной словесности) // Новое дело. Казань. 1922. №. 2. С. 25-38; Кунцевич Г.З. «Три старца» Л.Н. Тол-

Можно предположить, что Ю. Кузнецову был известен не только рассказ Л.Н. Толстого, но и древнерусский источник. Но важнее, пожалуй, то обстоятельство, что в данном случае Ю. Кузнецов вновь обращается – прямо или опосредованно, через рассказ Л. Толстого, – к древнерусской традиции, причем не только литературной, но и духовной. Он стремится передать современному читателю духовный опыт предшественников: истинная молитва немногословна, уединенна, сосредоточенна, несуетна. Вспомним, что и толстовский архиерей, и «морские ухари» Ю. Кузнецова пытаются поучать старцев из праздного любопытства, «чтоб разогнать свою тоску, свою печаль», тогда как святость старцев – итог всей жизни, точнее жития, результат долгих страданий на пути к Богу. Ю. Кузнецов и Л.Н. Толстой проводят грань между официальной церковной жизнью с одной стороны и интуитивным, сердечным постижением Бога с другой, между законами цивилизации, пусть даже христианской, и Божией Благодатью, обращенной на естественного человека.

Налицо и отличие концепции Ю. Кузнецова от толстовской. Толстой рисует трех старцев, чтобы продемонстрировать читателю ту духовную реальность, которая может оживить восприятие догмата о Святой Троице. Он обращается непосредственно к Евангелию, цитируя его в эпиграфе и доказывая, что можно служить Богу и не зная слов общепринятой молитвы, не принадлежа к официальной церкви. При этом он намеренно снижает внешний облик старцев, используя натуралистические детали и подчеркивая их слабость, беспомощность, дряхлость, чтобы оттенить неожиданную для сторонних наблюдателей духовную силу героев.

Ю. Кузнецов снимает толстовский натурализм и не показывает ни позеленевших от старости бород, ни заросших и беззубых ртов. Типичный толстовский контраст телесного и духовного поэт замещает реализованной метафорой: его старец, последний из трех, высыхает от времени до такой степени, что превраща-

ется в «живые мощи», в легкий «вдох», то есть буквально «дух». Два других старца вообще становятся невидимы, утрачивают зримую телесную оболочку:

На голом острове растет чертополох.
Когда-то старцы жили там – остался вздох.
Как прежде, молится сей вздох сквозь дождь и снег:
– Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!

С точки зрения поэтики, «троица» Ю. Кузнецова оказывается менее телесной, более «духовной», чем «троица» Л.Н. Толстого. К стихотворению Ю. Кузнецова еще более приложимы слова из Послания апостола Павла к римлянам: «Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26).

Итак, опыт обращения к древнерусским темам, мотивам, образам, традициям в поэзии Ю. Кузнецова весьма разнообразен и глубок. С их помощью поэт осмысливает место и роль поэта и поэзии в современном обществе, закономерности русской истории и ее связь с текущей исторической действительностью, духовно-религиозный опыт человека нашего времени. Древнерусская литература привлекает поэта прежде всего тем, что основана на идее христианского, православного провиденциализма, актуализировавшегося в его творческом сознании на рубеже XX-XXI веков. Идейные и эстетические искания Ю. Кузнецова во многом совпадают с магистральными тенденциями литературного развития как классического, так и новейшего периодов.

Л.Н. Скаковская

ФОЛЬКЛОРНАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РОМАНА О. СЛАВНИКОВОЙ «2017»

Эпоха глобализации, тотальной информатизации и технократизма показала, насколько неустойчивы гуманные основы общества. Философы и политологи все чаще констатируют кризис гуманизма в современных условиях воинствующей прагматики и варварского использования природы. В то же время процесс неиз-